

European
University
Institute

ROBERT
SCHUMAN
CENTRE FOR
ADVANCED
STUDIES

КАРИМ Восток – Консорциум прикладных исследований по международной миграции

Финансируется совместно с Европейским Союзом

Интеграция мигрантов: Российская Федерация

Владимир Мукомель

Научно-исследовательский отчет 2013/01

© 2013. Все права защищены.
Ни одна из частей данного документа не может быть распространена, цитирована или воспроизведена в какой либо форме без разрешения проекта Карим Восток.

КАРИМ-Восток
**Создание исследовательского центра по миграционным процессам и
миграционной политике на востоке Европы**

Научно-исследовательский отчет
КАРИМ-Восток RR 2013/01

Интеграция мигрантов:
Российская Федерация

Владимир Мукомель

© 2013, Европейский университетский институт
Исследовательский центр имени Робера Шумана

Этот текст можно скачивать только для личных исследовательских целей. Любое дополнительное воспроизведение с другими целями, в печатном или электронном виде, требует согласия Исследовательского центра имени Робера Шумана.
Запросы следует отправлять по адресу carim.east@eui.eu

При упоминании и цитировании ссылка оформляется следующим образом:

Владимир Мукомель, Интеграция мигрантов: Российская Федерация, CARIM-East RR 2013/01, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013.

ВЗГЛЯДЫ, ВЫРАЖЕННЫЕ В ЭТОМ ИЗДАНИИ, НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ
НЕ МОГУТ РАССМАТРИВАТЬСЯ
КАК ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Европейский университетский институт
Badia Fiesolana
I – 50014 San Domenico di Fiesole (FI)
Италия

<http://www.eui.eu/RSCAS/Publications/>
<http://www.carim-east.eu/publications/>
<http://cadmus.eui.eu>

КАРИМ-Восток – Создание исследовательского центра по миграционным процессам и миграционной политике на востоке Европы

Проект частично финансируется Европейским союзом и является первым исследовательским центром по миграционным процессам и миграционной политике. Исследования сосредоточены на восточных соседях Европейского союза и охватывают все страны «Восточного партнерства» (Беларусь, Украина, Республика Молдова, Грузия, Армения и Азербайджан), а также Российскую Федерацию.

Две основные темы проекта:

- (1) миграция из данного региона в Европейский союз (ЕС) с акцентом на странах эмиграции и транзита на восточной границе ЕС;
- (2) региональная миграция на постсоветском пространстве.

Проект был запущен 1 апреля 2011 года по совместной инициативе Европейского университетского института (ЕУИ), Флоренция, Италия (ведущее учреждение), и Центра миграционных исследований (ЦМИ) Варшавского университета, Польша (учреждение-партнер).

Исследователи КАРИМ-Восток проводят комплексный и ориентированный на выработку политики анализ широкого спектра вопросов, связанных с мобильностью людей и основными тенденциями на рынке труда к востоку от ЕС. Они также изучают возможное воздействие этих тенденций на динамично развивающееся социально-экономическое пространство шести восточных партнеров ЕС, России и Европейского союза.

В частности, КАРИМ-Восток:

- создает широкую сеть национальных экспертов из региона, которые представляют все основные дисциплины, изучающие миграцию, трудовую мобильность и вопросы национального развития (демография, право, экономика, социология, политология).
- формирует всеобъемлющую базу данных для мониторинга масштабов миграции в регионе (как потоков, так и контингентов), соответствующих законодательных изменений и государственных политических инициатив;
- совместно с экспертами из региона, проводит систематические и специальные исследования новых миграционных вопросов на региональном и национальном уровнях;
- предоставляет ученым из региона возможность принимать участие в семинарах, проводимых ЕУИ и ЦМИ, а также возможность участвовать в программах академического обмена для аспирантов;
- предоставляет площадки, на которых национальные и международные эксперты могут взаимодействовать с политиками и чиновниками, а также с другими заинтересованными лицами из упомянутых стран.

Ознакомиться с результатами деятельности проекта можно на его вебсайте: <http://www.carim-east.eu/>

За дополнительной информацией обращайтесь:

CARIM-East
Robert Schuman Centre for Advanced Studies (EUI)
Convento
Via delle Fontanelle 19
50014 San Domenico di Fiesole
Italy
Тел.: +39 055 46 85 817
Факс: + 39 055 46 85 770
Email: carim.east@eui.eu
Исследовательский центр имени Робера Шумана
<http://www.eui.eu/RSCAS/>

Резюме

Демографические прогнозы не внушают оптимизма: в обозримом будущем проблемы депопуляции и дефицита рабочих рук в России только обострятся. Приток мигрантов будет нарастать, но он станет глобальным вызовом для страны, если не удастся обеспечить адаптацию и интеграцию мигрантов.

В настоящее время имеются серьезные ограничения политики интеграции; особое имеют низкий интеграционный потенциал принимающего общества, слабые адаптивные возможности части мигрантов, социальные практики взаимодействия принимающего населения и властей с мигрантами.

Приток мигрантов воспринимается россиянами как дестабилизация сложившегося социального порядка. При низком уровне межличностного и институционального доверия в российском обществе, попытки артикуляции необходимости адаптации и интеграции мигрантов встречают серьезное сопротивление населения и значительной части элит. Большинство россиян поддерживают рестрикционную миграционную политику.

Интеграционные настроения, резко контрастирующие с настроениями принимающего населения, широко распространены среди мигрантов, более четверти которых хотели бы осесть в России. Наиболее активно выражают такое намерение постоянные мигранты, многие из которых проживают годами в России и практически интегрировались в российский социум.

С наибольшими проблемами мигранты сталкиваются на рынках труда и жилья. На рынке труда распространена дискриминация, проявляющаяся в ограничении доступа мигрантов к отдельным видам работ и сферам занятости, условиях и оплате труда. Более половины мигрантов заняты в России на рабочих местах, не предъявляющих никаких требований к квалификации и образованию работников. При этом неквалифицированными рабочими работают более трети трудовых мигрантов с высшим и неполным высшим образованием и почти половина мигрантов со средним специальным (профессиональным) образованием. Образование, квалификация, профессиональные знания мигрантов не востребованы на российском рынке труда. Найм жилья осуществляется либо в наиболее дешевых (как правило, люмпен-пролетарских) районах, либо по принципу близости к месту работы. При найме жилья мигранты сталкиваются с ценовой дискриминацией, дискриминационными условиями найма.

Большинство иностранных граждан лишены социальной защиты, ограничены в политическом участии. Доступ к процедурам получения статуса постоянного проживания и натурализации лимитирован и непрозрачен. При отсутствии антидискриминационного законодательства практически невозможна реализация декларируемых государством прав и свобод человека.

Наиболее серьезные вызовы политики интеграции сопряжены с ограниченным набором социальных прав (отсечением мигрантов от механизмов социальной защиты, неэффективностью социальных институтов, призванных обеспечивать вторичную социализацию мигрантов), реализацией прав человека в отдельных сферах (в первую очередь, доступа к здравоохранению, к правосудию и правовой защите, права на достойный труд), отторжения мигрантов принимающим обществом и ограниченными коммуникациями мигрантов с местным населением.

Политика интеграции должна учитывать не столько конъюнктурные, сколько долгосрочные вызовы; социальные институты, призванные обеспечить адаптацию и интеграцию мигрантов, функционируют не эффективно и нуждаются в реформировании.

Введение

В 2000-х гг. изменились тренды внешних миграций: на фоне стабилизирующейся численности иммигрантов постоянно, с некоторыми поправками на изменяющуюся экономическую конъюнктуру, возрастала численности трудовых мигрантов. Приток мигрантов, по всем прогнозам, будет нарастать. Этому способствовали и будут способствовать, с одной стороны, выталкивающие факторы: разрыв в оплате труда, уровне и условиях жизни в посылающих странах и России, безработица в странах-донорах, формируют масштабные потоки мигрантов, направляющихся в Россию в поиске мест приложения труда. С другой стороны, труд становится дефицитом: стремительное сокращение трудоспособного населения создаёт принципиально новую ситуацию на рынках труда России¹.

Нехватка рабочих рук не может быть сглажена ни мерами демографической политики (результаты которых, при самых благоприятных условиях, могут сказаться не ранее 2025 г.), ни компенсирована всплеском производительности труда (на уровне около 5% ежегодно, особо эфемерным в четвертичных сферах занятости). Важнейшим источником компенсации сокращения трудовых ресурсов на ближайшие десятилетия является миграция.

Если дефицит трудовых ресурсов может быть, чисто гипотетически, восполнен притоком временных трудовых мигрантов, то депопуляция может быть сглажена исключительно притоком иммигрантов, переселяющихся на постоянное жительство в Россию и/или созданием условий интеграции тех же трудовых мигрантов. Внешняя миграция становится важнейшим элементом поддержания потенциала экономического развития, сохранения стабильности в стране и ее отдельных регионах, обеспечения национальной безопасности.

Приток мигрантов неотвратимо возрастёт: по прогнозу Росстата, миграционный прирост в 2012–2030 гг. по инерционному «среднему» варианту будет в несколько раз выше современных масштабов и составит 7,2 млн. человек².

Приток иноэтничных мигрантов станет глобальным вызовом, если не удастся обеспечить их адаптацию и интеграцию части из них, - тех, кто связывает свое будущее с Россией. Если не удастся превратить последних в лояльных граждан - независимо от этнического происхождения и государства выхода.

Интеграция – процесс встречного движения культур принимающего социума и культур мигрантов. Сохранение мигрантами своей культурной идентичности предполагает принятие ими культуры принимающего общества; собственная культура мигрантов вытесняется в приватную сферу, тогда как в публичной сфере используется культура доминирующей группы.

При всем разнообразии дефиниций, акцент делается на том, что: а) интеграция - процесс, при котором иностранных граждан принимают в обществе - в индивидуальном порядке и как группу; б) ответственность за интеграцию лежит на самих иммигрантах, правительстве, организациях и

¹ По прогнозу Федеральной службы государственной статистики (Росстата), численность населения России в трудоспособном возрасте в 2012-2030 гг. сократится на 10,3 млн. человек. В 2012–2017 гг. численность населения в трудоспособном возрасте будет ежегодно уменьшаться более чем на 1 млн. человек. (Средний вариант прогноза (Росстат 2010))

² Основной поток мигрантов ожидается из государств Средней Азии, с которыми сохраняется большой разрыв в оплате труда и качеству жизни: по Индексу потенциала человеческого развития (ИПЧР) эти государства отстают от России на 36 – 61 пунктов (UNDP 2011). Высокий уровень безработицы в этих странах и наличие мест приложения труда в России стимулирует приток мигрантов: с 2000 г. по 2010 г. доля мигрантов из Средней Азии увеличилась в 9 раз среди имеющих разрешение на работу (Труд и занятость 2011; 302). В 2011 г. она составила 71% среди работающих на законных основаниях в России (с учетом имеющих разрешение на работу у физических лиц, (ФМС 2011).

населении принимающей страны (ЮМ 2011: 51); в) принимающее общество несет ответственность за то, чтобы формальные права иммигрантов были установлены таким образом, что индивидуум имеет возможность участия в экономической, социальной, культурной и гражданской жизни; г) что иммигранты уважают фундаментальные нормы и ценности принимающей страны и активно участвуют в процессе интеграции без потери своей собственной идентичности (СОМ 2003: 17—18).

В определениях интеграции подчеркивается необходимость взаимодействия между принимающим сообществом и мигрантами, а также ответственность принимающего общества. При этом путь, пройденный мигрантами, практически всегда намного больше, чем пройденный местным населением³.

В связи с этим обозначаются несколько исследовательских измерений. Первый пласт вопросов связан с социальным фоном политики интеграции: в какой мере она исходит из долгосрочных целей развития страны, а в какой привязана к конъюнктурным внутривнутриполитическим и/или внешнеполитическим задачам? Каков общественный дискурс, каковы настроения общества и элит?

Второй пласт вопросов возникает в связи с оценкой социального потенциала интеграции: насколько принимающее население готово воспринимать мигрантов как «своих» не только на индивидуальном, но и групповом уровне? Насколько сами мигранты ориентированы на интеграцию в российское общество?

Третья группа вопросов обусловлена функционированием социальных институтов, ответственных за реализацию политики и реальными социальными практиками интеграции: насколько они действенны? В каких сферах мигранты сталкиваются с наибольшими проблемами: работе и мобильности на рынке труда? Воссоединения семей? Доступе к образованию? Политическому участию? Статусе постоянного проживания? Получения гражданства? Дискриминационных практиках? Освоения языка? Какие социальные институты нуждаются в реформировании? Как организовать взаимодействие различных акторов политики интеграции? С какими трудностями сталкиваются разные контингенты мигрантов? Все ли они в одинаковой степени нуждаются в интеграции? Какие аспекты адаптации и интеграции наиболее значимы для разных контингентов мигрантов (правовые, социальные, экономические, культурные)?

Наконец, мигранты различаются по своему социально-демографическому составу, миграционному опыту, мотивации поездок, их изначальной ориентации на сроки пребывания и другим параметрам, накладывающим отпечаток на их практики включения в рынки труда, миграционные стратегии и долгосрочные планы, взаимоотношения с принимающим сообществом. Каковы особенности интеграции отдельных групп мигрантов, в первую очередь, социально уязвимых групп? Какие факторы определяют успешность/ неуспешность интеграции? В какой мере трансформация миграционных потоков, сдвиги в составе мигрантов, отражается на потенциале интеграции мигрантов, мотивах и ожиданиях, связанных с планированием личных и семейных биографий, изменяют их социальные коммуникации, стратегии миграционного поведения, планы на адаптацию и интеграцию?

Поиску ответов на некоторые из вышеперечисленных вопросов и посвящена настоящая статья.

³ В отличие от адаптации, предполагающей приспособление мигрантов к принимающему сообществу (возможно, поверхностное), поведение с учетом традиций и норм, принятых местным населением, но не предполагающей встречное постижение принимающим населением культур мигрантов. Адаптация – необходимое, но недостаточное условие интеграции.

Исследования Интеграции В России: Краткий Обзор⁴

Проблемы взаимоотношений мигрантов с принимающим сообществом, их взаимной адаптации как на групповом, так и персональном уровне традиционно привлекали внимание российских исследователей, особенно в контексте колонизации окраинных территорий и урбанизации. Традиции исследований конца 19 века – первой трети 20 века, получившие высочайшую оценку последующих поколений аналитиков (Кравченко 2000: 3)⁵, возобновились в 1960-х гг. - в первую очередь, благодаря работам Ж.А.Зайончковской, В.И.Переведенцева, Л.Л.Рыбаковского (Зайончковская 1972; Зайончковская, Переведенцев 1964; Переведенцев 1965; Рыбаковский 1987: 31-68; Рыбаковский 2001: 34-142), представителей новосибирской школы под руководством Т.И.Заславской и др. Сложилось известное представление о приживаемости новоселов, увязываемой с адаптацией и обустройством на новом месте, их «укоренении» и переходе в состав старожил.

После распада СССР три фактора сыграли решающее значение в изменение направлений исследований: всплеск вынужденных миграций из зон этнополитических конфликтов, актуализация этнического дискурса и гражданство мигрантов. Ключевые детерминанты исследовательского аппарата адаптации предшествующей эпохи – продолжительность пребывания на новом месте, социально-демографические характеристики – ушли на второй план; более значимы стали этнический состав и страны происхождения мигрантов, их гражданство и правовой статус.

Актуальные задачи скорейшего элементарного обустройства мигрантов и предупреждения конфликтов с местным населением стимулировали исследования психологов и социальных психологов, много работавших с вынужденными мигрантами и внесших значительный вклад по осмыслению и вводу в научный оборот зарубежных теоретико-методологических разработок (Лебедева 1995; Лебедева 2005; Солдатова 1998).

Всплеск трудовых миграций в 2000-х обозначил новые вызовы, связанные с притоком иноэтничных мигрантов. Уже в начале 2000-х появляются исследования, адекватные теоретико-методологическим подходам, нарабатанным за границей, а среди специалистов проявляется понимание необходимости исследований в области адаптации и интеграции с учетом зарубежного опыта (Петров 2004).

На первых порах это, преимущественно, анализ адаптации мигрантов, вопросы интеграции если и затрагиваются, то вскользь. Отчасти это результат того, что в начале 2000-х публикуются исследования 1990-х, когда основные потоки были представлены вынужденными русскоязычными мигрантами, для которых значима была скорейшая социально-экономическая и психологическая адаптация.

Еще одна причина столь пристального внимания к проблемам адаптации кроется в том, что сохраняется – и поныне - неоднозначность понимания этого термина. Несущий за собой шлейф предшествующих интерпретаций советского периода и 1990-х гг., когда предполагалось взаимодействие социальных институтов с определенными группами населения, в такой интерпретации адаптация игнорирует взаимодействие, коммуникации принимающего населения с мигрантами, что и составляет ключевой элемент интеграции.

Отличительной чертой исследований 2000-х является отстранение от факторов, обуславливающих готовность внешней среды принять или отвергнуть стремление мигрантов к адаптации (либо их формальное упоминание). Особое внимание уделяется условиям, способствующим формированию ориентации мигрантов на адаптацию к социальному окружению⁶.

⁴ Более подробно см. (Мукомель 2013)

⁵ Подробный анализ дореволюционных и послереволюционных исследований дается в публикациях В.М.Моисеевко.

⁶ Обзор и анализ факторов, форм, критериев и индикаторов социальной адаптации мигрантов см.: (Петров 2004: 137-141; Рязанцев 2003). Анализ факторов среды см. также: (Денисова, Контарев 2004:75)

Важное внимание уделяется различиям «своих» и «чужих» (Дробижева 2003: 161), маркерам границ между принимающим сообществом и мигрантами - этносоциальным, этносоциокультурным (Дробижева 1998: 4,5; Дробижева 2003: 76, 106). Исследования адаптации в контексте предупреждения конфликтов способствуют активной разработке концептов безопасности, «конфликтогенности миграции», «мигрантских сетей» (Пядухов 2003), «диаспор» (Аствацатурова 2003; Попков 2003), особое внимание уделялось сепарации мигрантов, их "капсулированию" (Савва, Савва 2002:148), «анклавизации», увязывающие адаптацию в зависимости от времени приезда и приобщения к языковой культуре принимающего сообщества (Арутюнян 2005). Высказываются и иные точки зрения, определяющие выбор курса на интеграцию/сепарацию в зависимости от социально-экономической дифференциации данной этнической группы (Вендина 2004: 60; Вендина 2005: 71). Несколько особняком стоят гендерные исследования, в т.ч. и нарративного плана, анализирующие особенности встраивания женщин-мигрантов в новую социокультурную реальность (Бритвина, Киблицкая 2004; Тюрюканова 2011).

Появляются работы, в которых взаимоотношения местного населения и различных групп этнических мигрантов рассматриваются как взаимные представления об «этнической иерархии» (Пядухов 2003: 70) или «этническом статусе» (Лебедева 2005: 6), либо «этносоциальном статусе» (Галлямов 2005: 193)⁷, публикуются исследования, рассматривающие дискриминационные социальные практики, не способствующие преодолению барьеров между мигрантами и принимающим населением (Лебедева 2005: 10).

Для 2000-х гг. характерны две тенденции: расширения географии исследований и акцентирования внимания на отдельных этнических мигрантских группах. Если в 1990-х гг. особое внимание уделялось территориям массового притока мигрантов на юге России, то в 2000-х – ситуациям в мегаполисе и крупнейших городах; в поле зрения аналитиков попадают не только наиболее отдельные этнические группы (Осадчая 2010; Молдавские...2011), но и специфические контингенты, например, студенты (Рязанцев, Письменная 2011).

Методология Исследования

В работе использовалась статистика:

- Федеральной службы государственной статистики (Росстат)⁸
- ведомственная статистика Федеральной миграционной службы (ФМС России)⁹, база данных ФМС России (Центральный банк данных учета иностранных граждан и лиц без гражданства, ЦБД УИГ)¹⁰.

Проведен вторичный анализ материалов социологических обследований, включая массовые обследования:

- Российского мониторинга экономики и здоровья населения¹¹ (РМЭЗН 2008);
- Фонда «Общественное мнение» (ФОМ)¹².

⁷ Примерно в таком ключе этносоциальный компонент статуса рассматривается в: (Сикевич 1999: 39; Денисова, Уланов 2003:109)

⁸ См. сайт Росстата www.gks.ru

⁹ См. сайт ФМС России www.fms.gov.ru

¹⁰ ЦБД УИГ ведет персонифицированный учет иностранных граждан, позволяющий классифицировать стоящих на миграционном учете и легально занятых по разработываемым параметрам: полу, возрасту, продолжительности пребывания, гражданству, сферам занятости и др. Имеются претензии к разработке этих данных.

¹¹ РМЭЗН - лонгитюдное обследование домохозяйств, проводящееся в России (около 10 тысяч домохозяйств). Описание проекта и детали выборки см.: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rhms-hse/project>

Привлекались материалы других социологических обследований, включая:

- проведение социологических исследований для анализа миграционного профиля, проблем адаптации и интеграции мигрантов для нужд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ ЦЭПРИ)¹³
- анализ специфики адаптации и интеграции представителей «полупорочного поколения» мигрантов из Средней Азии и Закавказья в российских городах¹⁴

Национальная Политика В Области Интеграции Мигрантов¹⁵

Необходимость содействия «социально-экономической адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации» формулировалась во всех Федеральных миграционных программах 1990-х гг. (Постановление 1992; Указ 1994; Постановление 1996; Постановление 1997). В 2000-х гг. тезис о необходимости адаптации и интеграции мигрантов воспроизводится во всех концептуальных нормативных правовых актах (Концепция 2001; Концепция 2003; Стратегия 2006; Концепция 2007; Концепция 2008).

Однако, во-первых, в ряде федеральных нормативных правовых актов проблема адаптации и интеграции мигрантов сужена и формулируется применительно только к вынужденным мигрантам (Распоряжение 2001; Распоряжение 2002). В ведомственных документах это стало нормой (МВД 2005).

Во-вторых, необходимость адаптации и интеграции мигрантов была продекларирована, но не реализована. Вплоть до 2012 г. и не ставилась задача разработки соответствующих программ «социальной адаптации и интеграции мигрантов» (Указ 2012). Хотя в свое время была сделана попытка разработки таких программ, судьба которых, впрочем, не известна (Рособразование 2007).

Переломным стал 2012 г., когда была принята «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года», в которой были сформулированы проблемы, артикулирована задача содействия «адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом» на основе дифференцированного подхода к разным категориям мигрантов и обозначены основные направления ее реализации (Концепция 2012). Принятый в соответствии с Концепцией План мероприятий по ее реализации предполагает комплексное решение проблем интеграции мигрантов (План мероприятий 2012).

В конце 2012 г. утверждена «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», в которой «успешная социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов» обозначена как одна из целей национальной политики (Стратегия 2012).

(Contd.) _____

¹² См. сайт <http://fom.ru>. Проект ФОМСОЦ, опрос МегаФОМ. Опрошено 24500 респондентов, октябрь 2011 (МегаФОМ 2011),

¹³ Осуществлялось Центром этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ), под руководством автора. Исследование включало социологический опрос мигрантов (8499 респондентов), респондентами выступали иностранные граждане независимо от их правового статуса, государств происхождения, этнической принадлежности в 8 регионах России. Для построения выборки применялся «снежный ком». Проводились также качественные исследования (18 фокус-групп, 35 глубинных экспертных интервью) в 8 регионах России в конце 2011 г.. Ниже, если специально не оговорено, приводятся результаты данного исследования (НИУ ВШЭ ЦЭПРИ 2011)

¹⁴ Обследование по гранту Российского гуманитарного научного фонда N 11-03-00815a (РГНФ 2011) в Астрахани и Самаре, 2011- 2012 гг. Опрошено 605 респондентов, проведено 12 фокус-групп, 112 глубинных и экспертных интервью

¹⁵ Более подробно см.: (Мукомель 2013)

Осенью 2012 г. в законодательство о правовом положении иностранных граждан внесены изменения и дополнения, предусматривающие тестирование в оговоренных случаях трудовых мигрантов на знание русского языка (ФЗ 2012).

Контекст Политики Интеграции

Трансформация миграционных потоков: масштабы, состав мигрантов, страны происхождения. Политика интеграции, согласно Концепции государственной миграционной политики, ориентирована на иммигрантов, прибывающих в Россию на постоянное место жительства, соотечественников-репатриантов, вынужденных мигрантов (в первую очередь, вынужденных переселенцев), а также, в неявно декларируемом виде, на трудовых мигрантов, прибывающих из новых независимых государств. Масштабы потоков иммигрантов, репатриантов, вынужденных мигрантов и временных трудовых мигрантов несоразмерны: численность иммигрантов независимых государств в последние годы фиксировалась на уровне 170-360 тыс. человек ежегодно¹⁶, численность репатриантов за 2007-2011 гг. составила около 80 тыс. человек, а численность вынужденных мигрантов составила 46 тыс. человек (на 1 января 2012 г.). Тогда как численность трудовых мигрантов измеряется миллионами.

Согласно официальным данным, на законных основаниях в России работают 1,7 млн. трудовых мигрантов. Оценки численности незаконных мигрантов существенно различаются. Согласно последним оценкам, их численность может составить от 2,1 млн. человек (Ромодановский 2012) до 3-5 млн. человек (Концепция 2012). Экспертная консенсус-оценка – 2,4 млн. человек (Консенсус-оценка 2010)¹⁷. Численность трудовых мигрантов, таким образом, может составить от 3,8 млн. человек до 6,7 млн. человек.

Важно при этом, что в последние годы миграционные потоки изменились. Во-первых, на российский рынок труда в массовом порядке стали поступать мигранты из среднеазиатских государств, доля которых на рынке мигрантского труда составляет около 3/4. Во-вторых, изменился календарь поездок: на смену сезонным миграциям пришли циркулярные и долгосрочные (постоянные миграции)¹⁸. В-третьих, изменился график приездов: в последние годы осенний всплеск миграций, обусловленный массовым приездом в Россию на заработки выпускников школ, средних профессиональных учебных заведений и ВУЗов, превышает традиционный весенний. В-четвертых, фиксируется феминизация миграционных потоков (Mukomel 2012: 15-17).

Трудовые мигранты - не только наиболее масштабный, но и наиболее проблемный контингент. Будучи представителями «видимых» меньшинств, они в наибольшей степени раздражают принимающее население, обвиняющее мигрантов в нежелании уважительно относиться к местным нормам и правилам поведения. Именно на трудовых мигрантов должна быть в первую очередь ориентирована политика интеграции - на тех из них, кто готов и стремится к интеграции, намереваясь осесть в России и, возможно, стать ее полноправными гражданами.

¹⁶ Изменение методик статистического учета привело к тому, что реальная численность иммигрантов в последние годы неизвестна.

¹⁷ Оценки численности незаконных мигрантов, продуцируемые ведомствами и представителями органов государственной власти, различаются на порядок и варьируются от 4 до 15 млн. человек.

¹⁸ По данным массового обследования, 40,8% мигрантов – долгосрочные (постоянные) мигранты, не покидающие Россию более года, 38,0% – циркулярные мигранты (в т. ч. 11,6% – сезонные мигранты, находившиеся менее 6 месяцев), и 21,2% – впервые приехавшие в страну на заработки в 2011 г. (НИУ ВШЭ ЦЭПРИ 2011).

Российские дискурсы. Во-первых, в российском дискурсе распространена подмена понятий, когда вместо обсуждения проблем интеграции мигрантов обсуждаются иные проблемы - их ассимиляции

Во-вторых, распространены практики неопределенности, искусственной подмены дефиниций: «мигрантами» и «гастербайтерами» масс-медиа, публичные политики называют не только иностранных граждан, но российских внутренних мигрантов, визуально отличающихся от принимающего населения. Как результат - преувеличение масштабов преступности мигрантов, ретрансляция ксенофобных настроений против выходцев из Северного Кавказа на иностранцев, обсуждение проблем интеграции российских граждан. (Проблема реальная, но вследствие подмены понятий в общественном мнении формируется стереотип, что политика интеграции ориентирована на выходцев из Северного Кавказа; как следствие, россияне готовы распространить предлагаемые ограничения прав и свобод иностранных граждан и на граждан России).

В-третьих, широко распространена практика интерпретации событий на Западе, когда эти события подверстываются под тезис о принципиальной неспособности мигрантов из мусульманских стран к интеграции, о провале мультикультурализма. Дискуссии о конкретных политиках мультикультурализма, ведущиеся в Европе, в российском дискурсе интерпретируются как провал идеологии мультикультурализма, каковая сомнению не подвергается (Мукомель 2011 а).

В настоящее время имеются социокультурные ограничения политики интеграции. Наряду с долгосрочными, слабо подверженными изменениям факторами (специфический исторический опыт и традиции межкультурного взаимодействия принимающего населения, особенности и стереотипы общественного сознания россиян), особое значение для политики интеграции приобретают интеграционный потенциал принимающего общества, адаптивные возможности мигрантов, социальные практики взаимодействия принимающего населения и властей с мигрантами (Мукомель 2011 б: 36).

Результаты Исследования

Интеграционный потенциал принимающего населения

Ксенофобные настроения широко распространены в российском обществе. Лозунг «Россия для русских!», в той или иной мере, поддерживается большинством респондентов с начала 2000-х годов; в 2011 г. его поддержали 58% опрошенных (Левада-Центр 2011а: 191; Левада-Центр 2011 б).

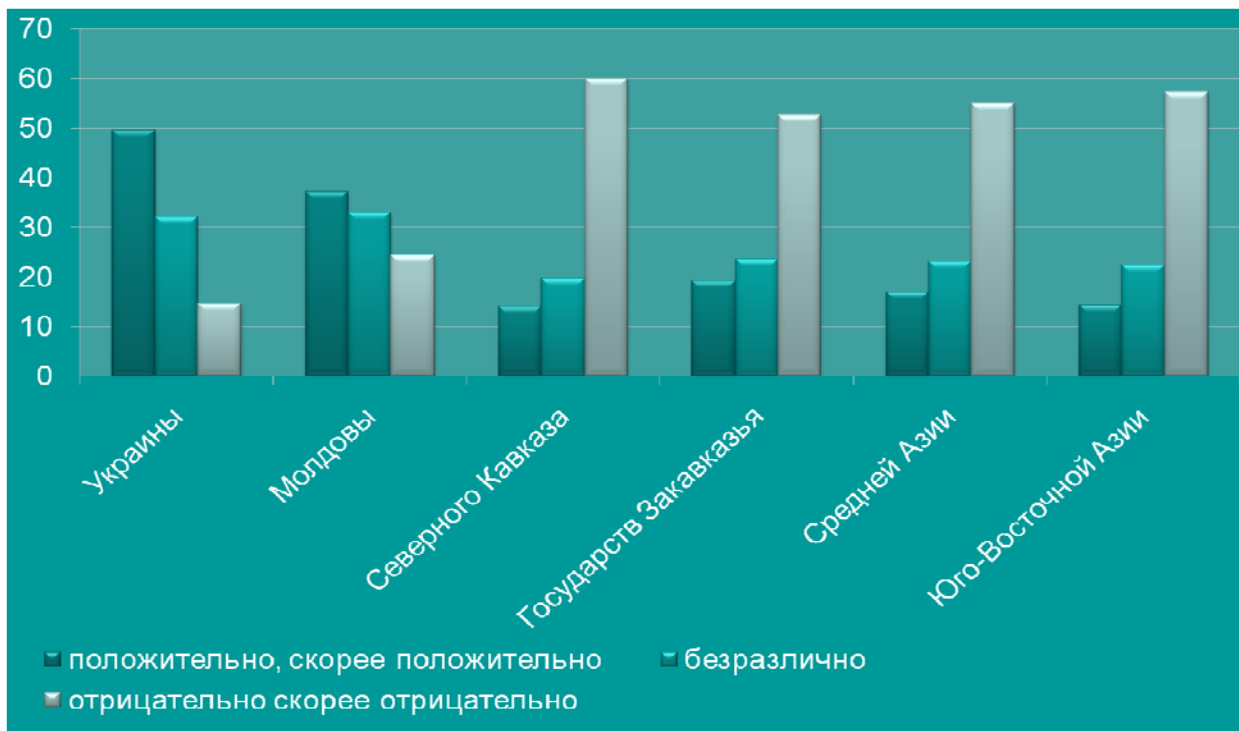
Болевая точка - этническая принадлежность иммигрантов, т.к. в российских дискурсах гражданская принадлежность мигрантов подменяется их этническим происхождением; национальность в обыденном сознании превалирует над гражданством. В обществе доминируют представления о первостепенности прав групп, а не личности: согласно масштабному обследованию ФОМа, 12% респондентов согласились с лозунгом «Россия для русских», 33% - с утверждением, что «Россия многонациональная страна, но русские должны пользоваться определенным преимуществом», 35% выбрали подсказку «Россия многонациональная страна, и все национальности должны пользоваться равными правами». Лишь 18% согласились с утверждением: «Важно обеспечить права личности, а не этнических групп», еще 3% затруднились с ответом (МегаФОМ 2012 а).

Приток мигрантов воспринимается россиянами как дестабилизация сложившегося социального порядка, а противостояние мигрантам рассматривается принимающим населением как попытка восстановления статус-кво.

Большую роль играет специфика российского общества, в котором отсутствует вера в личность, в других людей, в совместно построенные институты¹⁹. Отсутствие доверия влечет отсутствие солидарностей и лояльности. Люди доверяют лишь ближайшему окружению – семье, родственникам, друзьям. Неприятие мигрантов на этом фоне видится логичной и естественной реакцией принимающего населения.

Противостояние все более смещается в социокультурную сферу: многие россияне убеждены, что приток иноэтнических мигрантов размывает культурное ядро локальных сообществ. Россияне относительно толерантны к приезжим из Украины, Молдовы, визуально не выделяющимся в доминирующем большинстве. В отношении других этнических групп у респондентов преобладает раздражение, неприязнь, недоверие, особенно по отношению к выходцам из Северного Кавказа и Закавказья.

График 1. Распределение ответов на вопрос: "Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы рядом с Вами поселилась самая обычная семья приезжих из...:", процент²⁰

Наиболее распространенная среди россиян точка зрения гласит, что России никакие мигранты не нужны.

¹⁹ Уровень межличностного доверия очень низок по сравнению с развитыми государствами. Столь же невысок уровень доверия россиян к социальным институтам. (ФОМ 2008а; ФОМ 2008 б; Сасаки, Латов и др. 2010; Гимпельсон, Монусова 2012: 27)

²⁰ МегаФОМ 2011

Таблица 1. Отношение россиян к мигрантам

Распределение ответов на вопрос: «В каких мигрантах нуждается Россия?», %	РМЭЗН ²¹	ФОМ ²²
Нашей стране нужны только те мигранты, которые хотят остаться здесь жить навсегда	15,4	15,0
Стране нужны только те мигранты, которые приезжают только на заработки и не собираются здесь жить постоянно	16,0	26,0
Стране нужны и те и другие мигранты	14,4	11,0
Стране не нужны ни те, ни другие мигранты	37,5	39,0
Не знаю, нет ответа	16,7	9,0

Ограничительная миграционная политика поддерживается общественным мнением: 52,7 % респондентов поддержали бы запрет принимать мигрантов на постоянное проживание в своем населенном пункте, 45,8 % - запрет на временное проживание (МегаФОМ 2012 а).

Таблица 2. Мнения принимающего населения об образе жизни мигрантов и готовности их принять, % ответивших²³

Согласен / скорее согласен с утверждением:	Всего
Я не против, чтобы дети или внуки мигрантов стали постоянными жителями моего города (поселка, села)	47,7
В образе жизни мигрантов есть особенности, с которыми жителям моего города (поселка, села) трудно примириться	54,7
Я бы не посоветовал мигрантам переезжать на постоянное проживание в наш город (поселок, село)	54,9

В то же время, почти половина опрошенных россиян не возражали, чтобы представители второго и третьего поколений мигрантов жили в их населенном пункте. Вероятно, это объясняется тем, что дети мигрантов, с которыми респонденты сталкиваются в повседневной жизни, достаточно хорошо знают русский язык: 37,0% мигрантов отметили, что их дети владеют им лучше, чем материнским, 37,5% – что в равной степени обоими (НИУ ВШЭ ЦЭПРИ 2011).

В общественном мнении присутствует известный дуализм: при всех негативных настроениях по отношению к мигрантам, значительная часть респондентов выказывает сдержанность или безразличие, основывающиеся на мнении, что проблемы мигрантов - это их личные проблемы, не затрагивающие местное население.

²¹ Обследование Института социологии РАН и Центра этнополитических и региональных исследований на базе РМЭЗН, ноябрь 2008 г., 11,8 тысяч респондентов.

²² МегаФОМ 2012 а

²³ МегаФОМ 2011

40% респондентов ФОМа полагали, что большинство мигрантов отличаются по своей культуре и привычкам от местных жителей, но это создает сложности в основном для самих мигрантов. (35 % опрошенных считали, что это создает проблемы для местных жителей - «приезжие пытаются заставить нас жить по их законам», 14% отметили, что такие мигранты есть, но их меньшинство, 2% - что таких мигрантов нет, «у нас одна культура», 10% - затруднились с ответом).

Почти треть опрошенных не видели ничего плохого, если мигранты из других государств сохраняют свои традиции, уклад жизни, обычаи, 62% считали: «пусть сохраняют свои традиции, уклад жизни, обычаи, но только в частной жизни и в рамках закона». Однако 21% респондентов полагали: «пусть перенимают традиции, уклад жизни, обычаи местного населения», 6% затруднились с ответом (МегаФОМ 2012 б).

В общественном мнении обозначилась тенденция компромисса: многие россияне готовы допустить функционирование культур мигрантов в приватной сфере при условии их ограниченного доступа в публичную сферу (в которой должна доминировать культура принимающего большинства), однако политику интеграции сегодня вряд ли поддержали бы более 25% россиян.

Потенциал адаптации и интеграции мигрантов

Отношения с принимающим населением. Отношения с местным населением оцениваются мигрантами позитивно (табл. 3).

Таблица 3. Оценка мигрантами с разной периодичностью поездок отношений с принимающим населением, % ответивших²⁴

Согласен / скорее согласен с утверждением:	Постоянные	Циркулярные	Впервые приехавшие	Всего
Россияне хорошо относятся к мигрантам	70,1	72,9	75,1	72,2
Жители этого города/села хорошо относятся к мигрантам	75,7	77,0	76,9	76,4
У меня хорошие отношения с местными там, где я живу	91,5	92,4	90,2	91,6

Чем более персонафицированы коммуникации, тем более оптимистично оцениваются отношения с принимающим сообществом. В какой-то мере это свидетельство того, что напряжения между мигрантами и принимающим населением во многом являются конструктом, а основным каналом распространения взаимного недоверия и служат масс-медиа и неформальные каналы распространения информации, из которых мигранты черпают представления об отношении к ним россиян.

²⁴ НИУ ВШЭ ЦЭПРИ 2011

Таблица 4. Мнения мигрантов об образе жизни и готовности их принять местного населения, % ответивших²⁵

Согласен / скорее согласен с утверждением:	Постоянные	Циркулярные	Впервые приехавшие	Всего
Я бы хотел(а), чтобы мои дети или внуки постоянно здесь жили	56,6	55,8	43,3	53,6
В поведении, образе жизни местных есть особенности, к которым сложно привыкнуть	44,3	50,5	52,5	48,3
Местные жители никогда не будут считать людей моей национальности своими	59,7	64,1	69,0	62,8
Я бы не посоветовал своим землякам переезжать сюда на постоянное проживание	31,4	34,9	36,8	33,8

Наиболее оптимистичны в своих оценках готовности местного населения принять их как «своих» постоянные мигранты, имеющие продолжительный опыт контактов с местными жителями, более сдержанны - впервые приехавшие в Россию –. Хотя все контингенты мигрантов признают, что в образе жизни и поведении представителей местного населения есть особенности, к которым сложно привыкнуть, и что интеграция сопряжена с большими сложностями (табл. 4)

Интеграционные настроения, резко контрастирующие с настроениями принимающего населения, широко распространены среди мигрантов, Мигранты, связывающие свое будущее с Россией, оптимистично (вероятно, чрезмерно оптимистично) оценивают отношение к ним принимающего населения и перспективы своей интеграции. Они явно недооценивают сложности: претензии местного населения к образу жизни мигрантов значительно выше, чем встречные претензии мигрантов - большинство россиян не советовало бы мигрантам приезжать в свой населённый пункт на постоянное проживание (табл. 2).

Ожидания, планы, миграционные стратегии. Более четверти мигрантов хотели бы осесть в России. Наиболее активно выражают такое намерение постоянные мигранты, однако даже среди впервые приехавших желание остаться в России высказывает каждый шестой (табл. 5).

²⁵ НИУ ВШЭ ЦЭПРИ 2011

Таблица 5. Миграционные стратегии мигрантов с разной периодичностью поездок, %²⁶

Планы относительно проживания в России	Постоянные	Циркулярные	Впервые приехавшие	Всего
Остаться в России навсегда	34,6	25,2	15,5	27,1
Заработать денег и через несколько месяцев вернуться в страну, откуда приехал(а)	8,7	22,1	27,4	17,7
Поработать год-другой и вернуться в страну	29,1	24,5	33,1	28,2
Постоянно ездить между Россией и страной, откуда приехал(а)	23,7	24,3	15,6	22,3
Пожить в России немного и переехать в другую страну	1,9	1,8	2,6	2
Другое	2	2	5,8	2,7
Итого	100	100	100	100

Важно, что достаточно много мигрантов изначально, сразу по приезду в Россию, были нацелены на то, чтобы остаться здесь навсегда.

Таблица 6. Миграционные стратегии разных категорий мигрантов в первый приезд в Россию, %²⁷

Планы относительно проживания в России	Постоянные	Циркулярные	Впервые приехавшие	Всего
Остаться в России навсегда	23,0	16,2	12,7	18,5
Заработать денег и через несколько месяцев вернуться в страну, откуда приехал(а)	18,7	31,6	34,2	26,9
Поработать год-другой и вернуться в страну	38,9	29,0	32,3	33,7
Постоянно ездить между Россией и страной, откуда приехал(а)	14,0	18,8	12,6	15,5
Пожить в России немного и переехать в другую страну	2,2	1,6	2,3	2,0
Другое	2,6	2,7	5,9	3,3
Итого	100	100	100	100

С опытом поездок и общения с местным населением, чаще всего происходит переоценка планов, связанных с длительностью и частотой поездок: первоначально настроенные на разовые поездки переориентируются на циркулярные поездки, настроенные на циркулярные приезды - на долгосрочную миграцию и т. д.

Важную роль в ориентации на интеграцию в России играют социально-демографические характеристики мигранта, в первую очередь образование (среди мигрантов с высшим

²⁶ НИУ ВШЭ ЦЭПРИ 2011

²⁷ НИУ ВШЭ ЦЭПРИ 2011

образованием 36,3% планируют остаться в России), возраст, семейное положение (разведённые, вдовы, состоящие в гражданском браке, особенно с детьми, чаще желают остаться в России (Мукомель 2012).

Важным индикатором серьёзности планов мигрантов на интеграцию является их отношение к образованию детей (табл. 7).

Таблица 7. Планы мигрантов, имевших детей младше 18 лет, на образование детей, % ответивших²⁸

Планы дать образование своим детям (ребёнку) после школы	Постоянные	Циркулярные	Впервые приехавшие	Всего
В России	46,7	38,4	22,2	39,7
В стране происхождения	51,8	60,1	75,1	58,6
В другой стране	1,5	1,5	2,1	1,7
Итого	100	100	100	100

Среди постоянных мигрантов почти половина планирует продолжить образование детей в России. Однако не всё так просто: среди этой категории мигрантов много вдовых, разведённых, состоящих в гражданском браке женщин. (Замужние женщины, уезжая в Россию на заработки, чаще оставляют детей дома. Не состоящим в браке женщинам сложнее, и они вынуждены забирать детей с собой. Также и среди никогда не состоявших в браке и родивших в России распространена практика, когда молодая женщина, не афишируя рождение ребёнка, проживает с ним в России. Складывается парадоксальная ситуация: замужние женщины пребывают в России без детей чаще, чем незамужние. Большинство несовершеннолетних детей, проживающих в России с матерями, – это дети незамужних: каждый четвертый ребёнок живет с разведённой матерью, 15% – с овдовевшими матерями, и 17% – с матерью-одиночкой. Несовершеннолетние дети проживают в России и с одинокими мужчинами, но это исключительные случаи). Стремление дать образование детям в России для женщин с неустоенной судьбой – не следствие их выбора, а от безысходности (НИУ ВШЭ ЦЭПРИ 2011).

Уровень и потенциал интеграции. Не все мигранты, выражающие намерения осесть в России, в перспективе интегрируются. Во-первых, часть из них собирается первой возможности получить гражданство или вид на жительство только чтобы легализовать свой неурегулированный правовой статус. Во-вторых, прожективные оценки редко реализуются в полной мере.

Следует учитывать относительность границ интеграции / адаптации / сегрегации. Успешность или не успешность адаптации и интеграции мигрантов в российскую среду определяется различными факторами, характеризующими социальную среду посылающего общества, социальную среду принимающего общества и персонифицированные характеристики мигранта.

Большое значение имеет социальная среда, в которой вращался мигрант в стране происхождения: вторичная социализация в принимающем сообществе проходит быстрее и успешней, если социокультурные различия между посылающим и принимающим обществом невелики.

²⁸ НИУ ВШЭ ЦЭПРИ 2011

Значимы также персонифицированные характеристики мигранта: человеческий капитал (включая миграционный опыт) и социальный капитал (как в стране происхождения, так и в России), планирование персональной биографии, социально-психологические моменты.

Полностью интегрированы до 12% мигрантов, идентифицирующих себя и свое потомство с Россией и не имеющих других членов семьи в стране происхождения. (17,0% мигрантов считают своим домом Россию, причем половина из них отмечали, что считают своим домом и страну происхождения (Мукомель 2012).

Основная часть интегрированных мигрантов – постоянные и, реже, циркулярные мигранты, намеренные остаться в России. Преимущественно это молодые (2/3 – в возрасте до от 20 до 40 лет), образованные люди (каждый четвертый – с высшим и незаконченным высшим образованием), обустроенные (более половины из них снимает отдельное жильё или обладает жильём). Практически интегрированы дети мигрантов, родившиеся в России или привезенные в страну в малолетнем возрасте, редко испытывающие серьёзные проблемы (большинство из них имеет российское гражданство).

Постоянные мигранты (особенно образованная молодежь), дети мигрантов, не имеющие российского гражданства – первоочередные бенефициары политики интеграции.

Социальные практики адаптации и интеграции

Для мигрантов особо значимо быстрое и успешное включение в рынок труда, решение проблемы жилья.

Рынок труда: трудовая мобильность, дискриминационные практики. На рынке труда дискриминация проявляется в ограничении доступа представителей мигрантских меньшинств к отдельным видам работ и сферам занятости, условиях труда и, в меньшей мере, чем принято считать, в оплате труда.

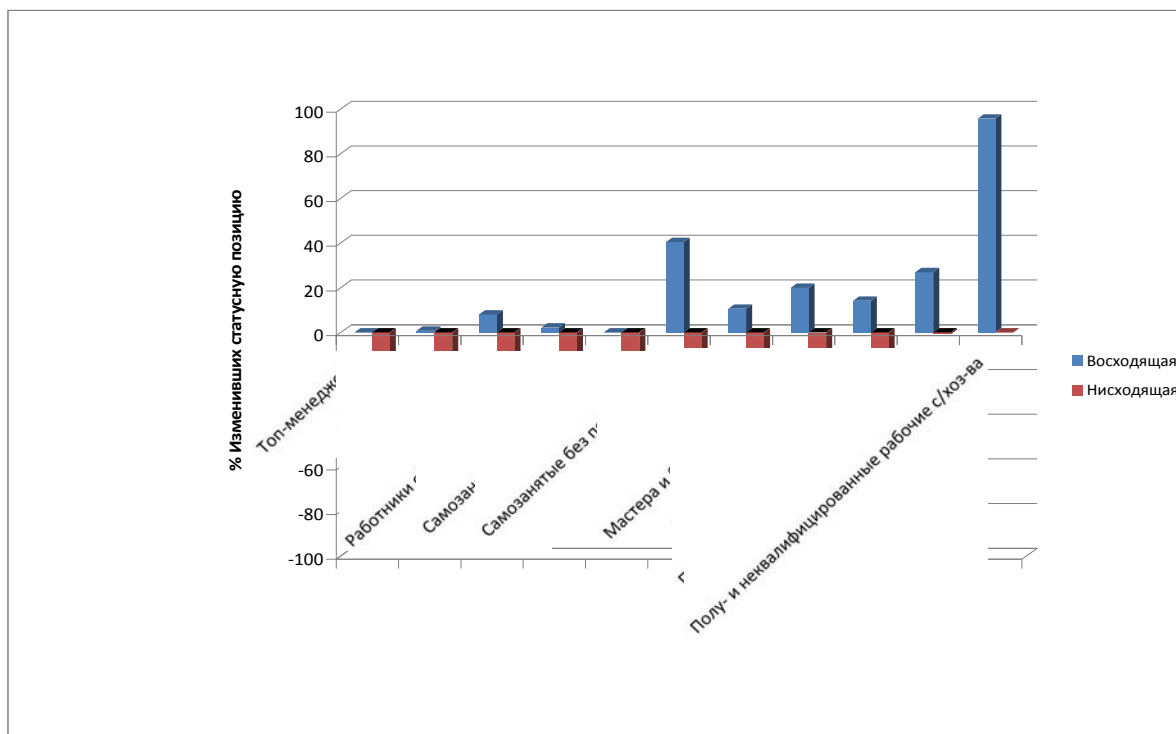
Более половины мигрантов заняты в России на рабочих местах, не предъявляющих никаких требований к квалификации и образованию работников. Особенно это характерно для впервые прибывших на российский рынок труда: больше 2/3 из них работают неквалифицированными рабочими²⁹.

Образование, квалификация, профессиональные знания мигрантов не востребованы на российском рынке труда: 68,7 % мигрантов из стран СНГ, приезжая в Россию, меняют вид экономической деятельности, 63,0% - профессиональную группу, к которой принадлежали на Родине (Мукомель 2012). Только 6,9% мигрантов, работавших до приезда в Россию в здравоохранении, заняты в этой сфере и в России, еще ниже аналогичная доля среди работавших в системе образования – 3,4%. Почти половина этих работников ныне заняты в торговле, каждый седьмой – в коммунальном и социальном обслуживании (Mukomel 2012: 10).

Вакансии, не предъявляющие особых требований к образованию, занимают мигранты с хорошим образованием: неквалифицированными рабочими работают 34,1 % мигрантов с высшим и неполным высшим образованием и 45,3% мигрантов со средним специальным (профессиональным) образованием (НИУ ВШЭ ЦЭПРИ 2011). Типичной траекторией мигрантов на рынке труда является нисходящая трудовая мобильность - занятие вакансии, худшей по сравнению с занимаемой ранее на Родине. Горизонтальная и восходящая трудовая мобильность крайне редки и характерны почти исключительно для неквалифицированных работников.

29 НИУ ВШЭ ЦЭПРИ 2011, N=4220. Использовалась классификация EPG (Erikson–Goldthorpe–Portocarero), представляющая упорядоченную шкалу статуса трудовых позиций по четырем признакам: характер труда (умственный, физический, сельскохозяйственный), необходимый уровень образования, количество работников в подчинении, самозанятость/наемный труд. Переход от четырехзначной типологии ISCO-88 к EPG осуществлен по алгоритму, предложенному H.Ganzeboom и D.Treiman (Ganzeboom, Treiman 2003: 176-193)

График 2. Вертикальная трудовая мобильность мигрантов из стран СНГ, изменивших статусную позицию. (Работали на Родине / работают в России)³⁰

Более трети топ-менеджеров и управленцев, представителей наиболее статусных групп, занимают самые низкие позиции неквалифицированных рабочих. Только 7,2% менеджеров высшего и среднего звена удается сохранить позиции, занимаемых на Родине, 92,8 % из них занимают менее статусные позиции – График 2. Аналогичная ситуация с работниками, занимавшими на Родине нефизическим рутинным трудом и в массовом порядке (более 90%) пополняющими в России ряды неквалифицированных рабочих. (Мукомель 2012).

Важнейшими факторами нисходящей трудовой мобильности мигрантов является отсутствие у многих из них законных оснований для работы и неформальная занятость. Не менее 60% трудовых мигрантов работают незаконно в России, не более 40% мигрантов имеют письменные договоры с работодателем. Неформальная занятость и занятость иностранцев без законных на то оснований – следствие не столько их «выгодности» для работодателя и работника, сколько несовершенства законодательства и, особенно, его правоприменения³¹. Непосредственным следствием повсеместных практик найма иностранцев является то, что средняя продолжительность рабочей недели среди мигрантов составляет 61 час (Mukomel 2012: 13).

Доступ к жилью, дискриминационные практики. Найм жилья осуществляется либо в наиболее дешевых (как правило, люмпен-пролетарских) районах, либо по принципу близости к месту работы. Больше половины арендуют жилье: либо отдельное (28%), либо вместе с другими людьми (35%). Последний вариант предполагает «аренду койко-места» в двух- или трехкомнатной квартире, в каждой комнате которой могут проживать до 18 человек (НИУ ВШЭ ЦЭПРИ 2011).

³⁰ НИУ ВШЭ ЦЭПРИ 2011

³¹ Большинство опрошенных работодателей отмечали, что найм иностранных работников не имеет никаких преимуществ по сравнению с наймом местных работников. Опрос проводился на 1,5 тысячах предприятий по заказу НИУ ВШЭ, октябрь 2011 г. (Левада-Центр 2011)

Однако семьи с детьми проживают в гораздо более благоприятных условиях: значительно выше доля лиц, кто снимает отдельное жилье (61% против 28% в целом по массиву).

Таблица 8. Жилищные условия мигрантов (Распределение ответов на вопрос «Каковы Ваши жилищные условия сейчас в России?»), в процентах³²

	Среди мигрантов, проживающих с детьми	Всего по массиву
Имею собственное жилье (дом, квартиру, комнату)	7,8	2,7
Снимаю отдельное жилье сам(а), с семьей (дом, квартиру или комнату)	60,7	28
Снимаю жилье с другими людьми (не родственниками)	14,3	34,5
Живу у родственников/друзей	8,6	8,8
Живу в общежитии	4,1	14,6
Живу там, где работаю (рынок, строительный объект и т.п.)	3,9	10,6
Живу в подвале, сарае и др.	0,6	0,7
Итого	100	100

При найме жилья мигранты сталкиваются с проблемами ценовой дискриминации, дискриминации по условиям найма (большая предоплата, отключение междугороднего телефона и др). Практически во всех регионах встречаются объявления «сдам русской семье», «сдам славянам», реже – «кавказцев просим не беспокоить».

Рабочие коллективы. Работа создает определенные предпосылки для адаптации мигрантов, так как большинство мигрантов работают вместе с местными работниками или в полиэтнических коллективах. Основная часть мигрантов работает в смешанных коллективах (46,0%), либо вместе с местными работниками (9,9%). Рабочий коллектив становится для них той средой, которая помогает адаптироваться к местным реалиям и принимающему населению. Однако 27,0 % мигрантов работают в коллективе с соплеменниками, либо с мигрантами из других стран (10,4%), еще 5,2% - самозанятые. Этнически герметичными являются, пожалуй, только сельское хозяйство (54,0% работают в окружении земляков) и строительство - 44,0% (Mukomel 2012: 18).

Знание языка принимающего общества является одним из важнейших факторов «экономической ассимиляции» (Vorjas 2005: 243). Русский язык, как язык общения на рабочем месте, доминирует у постоянных и циркулярных мигрантов, среди которых 86% используют его в рабочем коллективе. Практика общения на русском меньше распространена среди впервые прибывших на заработки, однако и в этой когорте более 70% мигрантов активно используют русский язык на работе. (Для 11 % постоянных и циркулярных мигрантов русский язык является родным, среди впервые прибывших – для 6,9% мигрантов. Следует учитывать, что 4% опрошенных трудовых мигрантов – русские, в основном из Украины, Молдовы и Узбекистана).

В то же время часть мигрантов (10%) общаются на работе исключительно на материнском языке. Работа для них становится зоной риска, провоцирующей их социальную исключенность (Мукомель 2012).

³² НИУ ВШЭ ЦЭПРИ 2011

Обучение русскому языку. Большинство мигрантов прибывает в Россию из стран постсоветского пространства, в которых и в настоящее время русский язык преподается в школах. Однако изучение часто носит формальный характер и среди многих мигрантов знание русского языка крайне низкое.

Система обучения русскому языку взрослых иностранных граждан отсутствует. Последние могут изучать русский язык на коммерческой основе, в порядке частной инициативы.

В российских школах ведется работа по изучению русского языка детьми, плохо им владеющих, эти дети направляются в специальные коррекционные классы, где они обучаются вместе с отстающими школьниками.

Образование. Проблем со школьным образованием нет (точнее, не было до последнего года, когда изменился порядок приписки детей к конкретным школам; изменения ударили по тем иностранцам, которые желали дать хорошее образование и хотели, чтобы их дети поступили в конкретные школы).

Однако желание дать детям российское образование не всегда осуществляется. Наиболее серьезная причина – неустроенность родителей, в результате чего ребенок часто меняет школы на родине и в России: распространены практики, когда в течение обучения ребенок несколько раз переезжает.

Среди других причин – его дороговизна, всепроникающая коммерциализация российского образования, недостаточное владение русским языком.

Помимо языкового барьера учащимся из стран с более традиционным жизненным укладом, нежели Россия (прежде всего, Таджикистан, Узбекистан, Киргизия) приходится пережить «культурный шок» при столкновении с российской действительностью. Наконец, еще одной серьезной проблемой на пути адаптации является настороженное, а нередко и откровенно враждебное отношение других учащихся к «новичку» – иностранцу. Иногда враждебность проявляется не только школьниками, но и преподавателями.

Неожиданным может оказаться и уровень требований, предъявляемый российскими образовательными учреждениями к учащимся (причем многие респонденты констатируют низкий уровень российского образования).

Поступая в российские образовательные учреждения, иностранные учащиеся сталкиваются с необходимостью адаптации к новым для них условиям. При поступлении в школу наименьшее количество сложностей испытывают те иностранцы, которых привезли в Россию в раннем возрасте и которые посещали российский детский сад. У этой категории школьников возникает не больше проблем, чем у учащихся-россиян. Возможно, в связи с этим родители детей, которые уже оказались в России и посещают российские школы и детские сады, в большей степени настроены на то, чтобы и дальнейшее образование дети получали здесь же.

Проблемы у иностранцев-студентов – аналогичны тем, с которыми сталкиваются школьники: сохраняется проблема настороженного, в некоторых случаях враждебного отношения к иностранцам со стороны российских студентов и преподавателей, языковые трудности.

Если поступление в российскую школу обусловлено, в основном, выбором родителей учащегося, то поступление в российский ВУЗ является уже более самостоятельным решением абитуриента.

Высшее образование в России иностранные граждане могут получать либо по квотам по направлению от своей страны, либо по контракту, на платной основе. Для натурализовавшихся детей мигрантов есть возможность поступить на бюджетные места, однако в любом случае обучение сопряжено с расходами, которые не все могут выдержать. Из-за финансовой стороны абитуриенты и их родители выбирают города, где стоимость проживания и образования не столь высока, как в Москве, хотя признают, что образование в столице считается престижнее.

Немалая часть иностранцев поступает в российские ВУЗы не оттого, что они обладают высоким престижем или предоставляют качественное образование, а потому что туда проще поступить и там легче учиться. Ограничением является нехватка средств, чтобы поступить на коммерческой основе.

Для той категории иностранных граждан, которые давно находятся в РФ и уже получили здесь среднее образование, выбор российского высшего образования обусловлен тем, что они глубоко интегрированы в принимающую среду и чувствуют себя в России комфортно.

Здравоохранение. Медицинская помощь оказывается в разном объеме и на разных условиях в зависимости от правового статуса мигранта. Лица, имеющие разрешения на проживание, получают медицинскую помощь в полном объеме, наравне с российскими гражданами.

Иностранные граждане, не имеющие разрешения на проживание, имеют право на бесплатную медицинскую помощь только в том объеме, который поможет предотвратить непосредственную угрозу жизни:

Понятно, что чаще всего они обращаются, учитывая их правовую незащищенность, за получением экстренной медицинской помощи. Т.е. то, что называется, прижало, и дальше уже им некуда.

(Эксперт, здравоохранение, Пермь)

Плановую медицинскую помощь, в отличие от экстренной, можно получить за деньги либо в коммерческих клиниках, либо в государственных, имеющих право оказывать платные медицинские услуги.

Наиболее популярным способом решения проблем со здоровьем для мигрантов стало самолечение; далее следует получение платной помощи, замыкает тройку обращение в скорую помощь. Самостоятельная покупка медицинского полиса не является распространенной практикой, что обосновывается нерентабельностью таких расходов при возможности обращаться к врачу на платной основе, если возникнет необходимость.

Поскольку платная медицинская помощь воспринимается часто как недоступная по финансовым соображениям, то мигранты могут использовать альтернативы: например, уезжать домой, где услуги врачей дешевле. Однако специально организовывать поездку домой для похода к врачу считается слишком дорогим, в силу затрат на транспорт; поэтому походы к врачам иногда совмещаются с поездками домой в период отпуска.

В наиболее сложном положении оказываются беременные женщины, которые могут встать на учет лишь на платной основе. (Если роды подпадают под действие экстренных состояний человека, при которых помощь оказывается безвозмездно, то наблюдение течения беременности относится к плановым медицинским услугам, которые для иностранных граждан оказываются за деньги).

Социальная защита. Социальная защита также варьируется в зависимости от правового статуса иностранных граждан. В отличие от резидентов, трудовым мигрантам социальная защита не гарантируется. Ратифицировав Европейскую социальную хартию, Россия взяла минимум обязательств по этому документу: трудящимся-мигрантам гарантируется лишь не дискриминационный налоговый режим и возможность пересылки денег на родину (Социальная Хартия 1996; ФЗ 2009).

Наиболее проблематично для мигрантов отлучение от системы социального страхования. Социальные пособия, достаточно ограниченные, мигрантов не особенно интересуют, т.к. для них более актуален доступ к социальным услугам, в первую очередь: здравоохранению, образованию, правовой защите (Mukomel 2012: 21-22).

Политическое участие. Иностранные граждане, без каких-либо исключений, ограничены в политических правах и не могут участвовать в выборах на всех уровнях, включая муниципальные выборы.

Нет ограничений на участие в профессиональных союзах.

Доступность процедур получения статуса постоянного проживания и натурализации.

Выдача разрешений на постоянное проживание (как и на временное проживание, не дающее каких-либо преференций его обладателю, также нуждающемуся в получении разрешения на работу), строго квотируется по стране в целом и регионам России. Наиболее жесткие квоты – по регионам массового притока мигрантов: Центральная Россия (особенно Москва и ближайшие к ней регионы), Северо-Запад, отдельные регионы Урала и Поволжья.

За январь-октябрь 2012 г. было выдано 165 тыс. разрешений на временное и 102 тыс. разрешений на постоянное проживание. Всего по разрешениям на временное проживание в октябре 2012 г. проживало 410 тыс. человек, по разрешениям на постоянное проживание – 214 тыс. человек (ФМС 2012).

Получить статус постоянного проживания крайне сложно. Численность желающих получить вид на жительство многократно превышает выделяемые квоты, в результате на черном рынке стоимость разрешений составляет десятки тысяч евро.

В настоящее время ФМС России склоняется к тому, чтобы отказаться от промежуточного статуса с выдачей разрешения на временное проживание и несколько увеличить квоты видов на жительство.

В первом десятилетии 2000-х получение российского гражданства было относительно несложным для граждан новых независимых государств: в это время ежегодно российское гражданство получало около 370-380 тысяч человек. За последние несколько лет ситуация осложнилась введением новых ограничений. В результате число иностранных граждан резко сократилось: в январе-октябре 2012 г. российское гражданство приобрели 75 тысяч иностранцев (за аналогичный период 2011 г. – 106 тысяч человек).

Антидискриминационное законодательство. Запрет на дискриминацию по признакам расы, национальной принадлежности, социального положения и другим характеристикам присутствует в Конституции России и федеральном законодательстве. Однако антидискриминационное законодательство отсутствует, что делает практически невозможным реализацию декларируемых прав.

Воссоединение семей. Большинство иностранных граждан, находящихся на территории России, прибывает из стран, с которыми Россия установила безвизовый режим. По этой причине проблема воссоединения семей для большинства иностранных граждан не актуальна. Не актуальна она и для иностранных граждан, имеющих вид на жительство. С проблемами воссоединения семей сталкиваются мигранты, прибывшие из стран, с которыми установлен визовый режим, особенно не имеющие разрешения на работу в России.

Несмотря на то, что проблемы воссоединения семей для большинства мигрантов не существует, чаще всего они проживают в России без семьи или с неполной семьей. Большинство семейных мигрантов проживают в России одни. Чаще мигранты проживают в России с зарегистрированными супругами (47%), детьми (40%, в т.ч. 24% - с детьми до 18 лет), братьями и сестрами (33%)³³. За пределами России чаще остаются другие члены семьи: родители мигрантов и/или их братья и сестры. Ослабление семейных связей способствует эрозии институтов брака и семьи. Разделенные семьи – один из наиболее серьезных вызовов, подрывающих институт семьи.

Другая проблема - дистанционное родительство, затрудняющее воспитание детей. Дистанционное родительство особенно распространено среди мужчин: 81% мужчин и 69% женщин, имеющих детей, оставили хотя бы одного ребенка на Родине (Mukomel 2012).

³³ Схожие результаты получены Ю.Флоринской по результатам обследования трудовых мигрантов из Средней Азии (Флоринская 2011: 187)

Вызовы социальной эксклюзии

Наиболее серьезные вызовы сопряжены с социальной эксклюзией. И не только в принимающем, но и посылающем обществе. Некоторые мигранты идут на ослабление социальных связей и коммуникаций с посылающим обществом сознательно, в рамках планирования персональной биографии или семейной стратегии.

Социальная исключенность определяется ограниченным набором социальных прав (отсечением мигрантов от механизмов социальной защиты, неэффективностью социальных институтов, призванных обеспечивать вторичную социализацию мигрантов), практиками реализации декларируемых прав человека (в первую очередь, доступа к правосудию и правовой защиты, взаимодействия с органами исполнительной власти, особенно правоохранительными органами), отторжения мигрантов принимающим обществом и ограниченными коммуникациями мигрантов с местным населением.

С особыми проблемами сталкиваются отдельные социально уязвимые группы мигрантов: дети мигрантов (как проживающие в России, так и оставшиеся в странах происхождения на попечении родственников), женщины.

Наиболее сложно детям, которых привезли в Россию в относительно сознательном возрасте, т.н. представителям «полуторного поколения». В отличие от второго поколения мигрантов, социализация которых проходит в России, «полуторное поколение» сохраняет память о стране выхода, общественном укладе, нормах поведения и традициях посылающего общества. Для них характерны двойственная (множественная) идентичность, восприятие себя как группы культурно адаптированных, владеющих языком страны проживания, перед которыми общество воздвигло барьеры как перед "чужими". Жизненные планы многих из которых не связаны с Россией: каждый третий намерен вернуться на Родину, только 42% намереваются остаться в России навсегда (РГНФ 2011).

К социально уязвимым группам можно отнести каждую шестую женщину-мигрантку - разведенных, вдов, а также родивших детей вне брака – довольно многочисленный контингент женщин с низким социальным статусом в стране происхождения и неопределенным будущим в России. Положение незамужних женщин усугубляется тем, что наряду с детьми в России, у них часто остаются дети и на Родине, которых воспитывают родственники (Mukomel 2012).

Противодействие социальной исключенности мигрантов становится социально значимой проблемой, выходящей за рамки собственно политики интеграции.

Выводы и рекомендации

Отсутствие в обществе ясных и согласованных представлений о том, какой должна быть иммиграционная политика является важнейшим фактором, определяющим институциональные разрывы между миграционной политикой, политиками интеграции и натурализации.

Политика интеграции сейчас только отстраивается с целью дифференциации по отношению к разным группам мигрантам и разработки четких и ясных процедур языковой, культурной, социальной, экономической адаптации и интеграции.

Ясна специализация акторов политики интеграции (Mukomel 2011). Важнейший вопрос, который не решен и вряд ли будет решен в ближайшее время – разграничения компетенций акторов, имеющих разные интересы и потенциал. Однако от взаимодействия акторов, которое должно строиться на основе субсидиарной ответственности, зависит эффективность политики интеграции.

Некоторые проблемы, например исключенности в сфере социальных прав, доступа к достойному труду, сегодня трудно решаемы: социальное обеспечение, и защита социальных прав

иностранцев, в том числе лиц, с неурегулированным правовым статусом, достаточно дискусионны и не всегда находят отклик у принимающего населения. Наряду с финансовыми издержками, имеются серьезные и обоснованные опасения, что наличие социальной защиты увеличит приток иностранцев, которые, в свою очередь, будут находиться на иждивении общества.

В то же время, отсутствие социальной защищенности у мигрантов еще более усугубляют сепарацию части из них, способствуя нарастанию напряженности между ними и принимающим населением. Имеются и гуманитарные соображения: фундаментальные права человека не зависят от его правового статуса.

Политика интеграции должна учитывать не столько конъюнктурные, сколько долгосрочные вызовы. Особое внимание должно уделяться политике интеграции детей мигрантов, родители многих из которых слабо адаптированы к социальным реалиям принимающего общества. Необходимо учитывать различия в стратегиях адаптации представителей разных этнических групп мигрантов к принимающему сообществу, их возможности к адаптации и интеграции, всю возрастающую социокультурную дистанцию между гражданами государств СНГ.

Опрометчиво считать, что в знаниях традиций, обычаев, культуры другой стороны нуждаются лишь иностранцы; принимающее население также нуждается в элементарных знаниях традиций, обычаев, культуры, особенностей поведения и социальных коммуникаций мигрантов, прибывающих из других обществ. Просвещение принимающего населения – задача масс-медиа и масс-культуры, сферы публичной политики. Особое внимание следует уделять молодежи, намного хуже информированной о традициях посылающих сообществ стран постсоветского пространства, чем старшее поколение.

Политика интеграции, как она сегодня декларируется и практикуется, подвержена политическим рискам двойственной природы: поиска легкого пути, устраивающего всех акторов, и нежелания учитывать те объективные процессы, на которых она зиждется.

Опасность представляют попытки свести политику интеграции на нет, прибегая к популистским мерам – ограничиться привлечением высококвалифицированных специалистов, снизить квоты разрешений на работу, ввести визовый режим со странами СНГ и др.

В поисках легких решений и власти, и общественное мнение склоняются к идее ужесточения законодательства – вместо совершенствования его правоприменения. Всякие меры, направленные против работодателей будут восприняты обществом позитивно – при том, что они способствуют росту коррупции.

Сегодня важна последовательная реализация утвержденной Концепции миграционной политики (Концепция 2012), которая стала подвергаться ревизии с первого дня после принятия. Необходимо принять как должное, что политика интеграции не подвержена внутривнутриполитической конъюнктуре и отражает стратегические задачи развития российского общества.

Библиография

- Арутюнян Ю.В. (2005). О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе // Социологические исследования, 2005, N 1
- Аствацатурова М.А. (2003). Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). Ростов-на-Дону – Пятигорск: СКАГС, 2002, с.184; Попков В. Феномен этнических диаспор. - М.: ИС РАН
- Бритвина Ирина, Киблицкая Марина. (2004). Жизнь мигрантки в моногороде. - М.: «Книгодел»
- Васильева Т. А. (2010). Миграционная политика, гражданство и статус иностранцев в странах западной демократии. — М.: Институт права и публичной политики, 2010
- Вендина Ольга. (2004). Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? // "Вестник общественного мнения", N 3 (71), май-июнь 2004
- Вендина Ольга. (2005). Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? / Общая ред. Ж.Зайончковской. М.
- Верховский Александр, Кожевникова Галина. (2011). Призрак Манежной площади: Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2010 году, получен с интернета по адресу: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2011/03/d21140>, 11 декабря 2011
- Галлямов Р.Р.. (2005). Этносоциальная стратификация общества: теоретические подходы и концептуальная модель // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии / Отв. ред. М.Н. Губогло. Ин-т этнологии и антропологии РАН. - М.: Наука
- Г.А. Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. (2012). Доверие полиции: межстрановой анализ. М.: НИУ ВШЭ. Препринт WP3/2012/05, с. 27
- Денисова Г.С., Уланов В.П. (2003). Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. - Ростов-на-Дону
- Денисова Г.С., Контарев А.А. (2004). Проблемы современной миграции в Южном федеральном округе Российской Федерации (на примере Ростовской области) // Миграция в России: социальные и правовые аспекты проблемы. Сб. научн. Статей. Ростов н/д: ООО «Терра»
- Дробижева (1998). Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России. Под ред. Л.М. Дробижевой. Институт этнологии и антропологии РАН. - М.: Изд-во Института социологии РАН
- Дробижева (2003). Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л.М. Дробижева. - М.: Изд-во Института социологии РАН
- Зайончковская Ж. А. (1972). Новоселы в городах (методы изучения приживаемости). - М.: Статистика
- Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. (1964). Современная миграция населения Красноярского края.- Новосибирск
- Левада-Центр (2011а). Общественное мнение – 2010. –М.: Левада-Центр, 2011
- Левада-Центр (2011б). Национализм в современной России, пресс-выпуск 4 февраля 2011, получен с интернета по адресу: <http://www.levada.ru/print/press/2011020407.html>, 16 апреля 2011

- Консенсус-оценка (2010). «Консенсус-оценка численности трудовых мигрантов в России», 9 апреля 2010 г. («Консенсус-оценка 9.4.0»), получен с интернета по адресу: <http://indem.ru/ceprs/Migration/OsItExSo.htm>, 11 марта 2011
- Концепция (2001) Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года, одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2001 г. N 1270-р
- Концепция (2003 а). «Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации», одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 марта 2003 г. N 256-р
- Концепция (2007). «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. N 1351
- Концепция (2008). Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утверждена Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р
- Концепция (2012). Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утверждена Президентом РФ 13 июня 2012 г.), пп. 22 е), 23 ж).
- Кравченко А.И. (2000). Предисловие //Антология социально-экономической мысли в России. Дореволюционный период. – СПб.: Изд-во РХГИ
- Лебедева Н. М. (1995). Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. - М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН
- Лебедева Н.М.. (2005). Этническая толерантность в регионах России: теория и практика // Этнопанорама, 2005, N 1-2
- МВД (2005). Приказ МВД России от 28 декабря 2005 г. N 1055
- МегаФОМ (2011). Проект ФОМСОЦ, опрос МегаФОМ, октябрь 2011 г. Общероссийский мегаопрос в 1364 населенных пунктах 49 субъектов РФ, 24500 респондентов, в каждом субъекте РФ - по 500 респондентов.
- МегаФОМ (2012 а). Миграционная политика, получен с интернета по адресу: <http://fom.ru/obshchestvo/10490>, 11 сентября 2012
- МегаФОМ (2012 б), Условия и цена интеграции мигрантов, получен с интернета по адресу: <http://fom.ru/obshchestvo/10465>, 11 сентября 2012
- МегаФОМ (2012 в). Мигранты и рынок труда, получен с интернета по адресу: <http://fom.ru/obshchestvo/10484>, 11 сентября 2012
- Молдавские... (2011). Молдавские мигранты в России в условиях мирового финансового кризиса. –М.:Изд-во РГСУ
- Мукомель В. (2011 а). Российские дискурсы о миграции: "нулевые" годы // Россия реформирующаяся : Ежегодник-2011 / Отв. ред. академик РАН М.К. Горшков. — Вып. 10. М. ; СПб. : Институт социологии РАН, Нестор-История
- Мукомель В. И. (2011 б). Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // «Мир России», 2011, N 1
- Мукомель В.И. (2012). Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски. М.: Фонд «Новая Евразия» (в печати)
- Мукомель В. И. (2013). Адаптация, интеграция и реинтеграция мигрантов в России // Миграция в России: первое десятилетие XXI века. Хрестоматия. М.: РСМД

- Mukomel Vladimir. (2011). Integration Policy. Occasional Paper Series. Moscow, New Eurasia Foundation
- Mukomel Vladimir. (2012). Labour Migration And The Host Country: Russian case. CARIM-East Research Report 2012/31, 2012, European University Institute, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, получен с интернета по адресу: <http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-2012-RR-31.pdf>, 30 октября 2012
- НИУ ВШЭ ЦЭПРИ (2011). Проведение социологических исследований для анализа миграционного профиля, проблем адаптации и интеграции мигрантов для нужд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Осадчая Г.И.. (2010). Мигранты из Армении и Грузии в Москве. –М.:Изд-во РГСУ
- Петров В.Н. (2004). Миграция населения и этнические мигранты в современной России / Под ред. В.И. Добренькова. - Краснодар: Кубанский государственный университет, 2004, пар.3.2.
- Переведенцев (1965). Переведенцев В. И. Современная миграция населения Западной Сибири. Новосибирск: РИО СО АН СССР
- План мероприятий по реализации в 2012–2015 годах (первый этап) Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утверждён распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 августа 2012 г. № 1502-р.
- Попков В. (2003). Феномен этнических диаспор. - М.: ИС РАН
- Постановление (1992). Правительства РФ от 18.05.1992 N 327 "О Республиканской долговременной программе "Миграция"
- Постановление (1996). Постановление Правительства РФ от 03.08.1996 N 935 "Об уточнении Федеральной миграционной программы"
- Постановление (1997). Постановление Правительства РФ от 10.11.1997 N 1414 "О Федеральной миграционной программе на 1998 - 2000 годы"
- Пядухов (2003). Пядухов Г. А. Этнические группы мигрантов: тенденции притока, стратегии поведения. - Пенза: ПГАСА
- Распоряжение (2001). Распоряжение Правительства РФ от 10.07.2001 N 910-р "О программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002 - 2004 годы)"
- Распоряжение (2002). Распоряжение Правительства РФ от 07.06.2002 N 765-р «О Стратегии экономического развития Сибири»
- Ромодановский (2012). Выступление Директора ФМС России [К.Ромодановского] на заседании Правительства РФ, 9 августа 2012, получен с интернета по адресу: <http://government.ru/docs/20062/>, 30 октября 2012
- Рособразование (2007). Приказ Рособразования от 24.07.2007 N 1339 "О выделении ассигнований из федерального бюджета на выполнение работ (оказание услуг) в 2007 году по итогам открытого конкурса "Обеспечение реализации российских инициатив по формированию профессиональных квалификаций и нового поколения образовательных программ, направленных на эффективную адаптацию и интеграцию мигрантов в рамках "Большой восьмерки"
- Росстат (2010). Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2010, получен с интернета по адресу: http://gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticJournals/doc_1140095525812, 11 февраля 2011

- Рыбаковский Л.Л. (1987). Миграция населения: Прогнозы, факторы, политика. М., Рыбаковский (2001). Рыбаковский Л.Л. Стадии миграционного процесса // Миграция населения / Под общей ред. О.Д. Воробьевой. – М., вып. 5
- Рыбаковский Л.Л. (2003). Миграция населения (вопросы теории). – М.: Институт социально-политических исследований РАН
- Рязанцев С.В.. (2003). Современный демографический и миграционный портрет Северного Кавказа. - Ставрополь: Сервисшкола, пар.5.2.
- Рязанцев, С., Е.Письменная. (2011). Адаптация иностранных учебных мигрантов в России //Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. М.
- Савва М.В., Савва Е.В. (2002). Пресса, власть и этнический конфликт (взаимосвязь на примере Краснодарского края). - Краснодар, КЮИ
- Сасаки М., Латов Ю., Ромашкина Г., Давыденко В. (2010). Доверие в современной России (компаративистский подход к «социальным добродетелям») // Вопросы экономики, №2: 83-101
- Сикевич З.В. (1999). Социология и психология национальных отношений. - Спб.Социальная Хартия (1996). Европейская социальная хартия (пересмотренная) от 3 мая 1996 года. пп. 5, 9 статьи 19
- Солдатова Г. У. (1998). Психология межэтнической напряженности. - М: Ин-т этнологии и антропологии РАН
- Стратегия (2006). Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации, утверждена Распоряжением Правительства РФ от 18.12.2006 N 1760-р
- Стратегия (2012). Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утверждена **Указом** Президента РФ от 19.12.2012 N 1666
- Труд и занятость... (2011). Труд и занятость в России. 2011.- М.: Росстат, 2011
- Тюрюканова Е.В. (2011). Женщины-мигранты из стран СНГ в России /под ред. Тюрюкановой Е.В. М.: МАКС Пресс, 2011, с.12
- Указ (1994). Указ Президента РФ от 09.08.1994 N 1668 "О Федеральной миграционной программе"
- Указ (2012). Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года N 606 "О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации"
- ФЗ (2009). Федеральный закон «О ратификации Европейской социальной хартии (пересмотренной) от 3 мая 1996 года» от 3 июня 2009 года N 101-ФЗ
- ФЗ (2012). Федеральный закон "О внесении изменений в статью 13¹ Федерального закона "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" и статью 27² Закона Российской Федерации "Об образовании"" от 12 ноября 2012 г. N 185-ФЗ
- Флоринская (2011). Стратегии семейной миграции из Центральной Азии в Россию: с детьми или без? // Кавказ и Центральная Азия после двадцати лет независимости: к переосмыслению понятия «Юг», Алматы, 2011, получен с интернета по адресу: <http://lodel.ehess.fr/cersec/docannexe.php?id=1705>, 12 февраля 2012
- ФМС (2011). ФМС России, Центральный банк по учету иностранных граждан и лиц без гражданства, январь-ноябрь 2011
- ФМС (2012). ФМС России. Статистические данные по форме 1-РД, получен с интернета по адресу: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/38040/>, 8 декабря 2012

- ФОМ (2008 а). Межличностное и институциональное доверие. ФОМ, июль 2008, получен с интернета по адресу: <http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0826/d082621>, 30 октября 2009
- ФОМ (2008 б). Межличностное доверие и взаимопомощь в российском обществе. ФОМ, апрель 2008, получен с интернета по адресу: <http://bd.fom.ru/report/map/d081723>, 30 октября 2009
- Borjas George J. (2005). The Economic Integration of Immigrants in the United States: Lessons for Policy in *Poverty, International Migration and Asylum*. Ed. by George J. Borjas and Jeff Crisp. Palgrave Macmillan, 2005.
- COM (2003). Communication on Immigration, Integration and Employment. EU, COM (2003) 336, 3 June 2003
- Ganzeboom Harry B.G., Treiman Donald J. (2003). Three Internationally Standardised Measures for Comparative Research on Occupational Status in *Advances in Cross-National Comparison. A European Working Book for Demographic and Socio-Economic Variables*. Edited by Jurgen H.P. Hoffmeyer-Zlotnik and Christof Wolf. Kluwer Academic / Plenum Publishers, N.Y.
- IOM (2008). World Migration Report 2008: Managing Labour Mobility in the Evolving Global Economy. Geneva, IOM, 2008
- IOM (2011). Glossary on Migration. 2nd Edition. Richard Perruchoud and Jillyanne Redpath-Cross, eds. IOM, Geneva
- UNDP (2011), Human Development Report Index (HDI) – 2011 Ranking, получен с интернета по адресу: <http://hdr.undp.org/en/statistics>, 9 января 2013